

13 февраля –
185 лет со дня
рождения
Михаила Каткова

14 февраля –
100 лет со дня
рождения Семёна
Гейченко

18 февраля –
125 лет со дня
рождения Марии
Ульяновой

18 февраля –
50 лет Аркадию
Укупнику

Публичное одиночество

ОДИН ИЗ ГЕРОЕВ РЕМАРКА УДИВЛЯЛСЯ, почему это до сих пор не пришло никому в голову поставить памятник луне или цветущему дереву. Наверное, потому, что дерево и луна существуют как бы вне времени. Вне исторических категорий, дат и имен, которые хранит наша память.

Я всегда удивлялся, насколько случаен и прихотлив этот самый исторический выбор. Вряд ли кто-нибудь вспомнит сейчас имя женщины, сочинившей песню "Бесаме мучо". Или фамилии лётчиков из экипажа Николая Гастелло. Но бывает наоборот. В застойные времена даже шутка такая ходила: "Имя твоё бессмертно, подвиг твой неизвестен"...

Вряд ли стоит искать логику в исторических предпочтениях. От одних остаются громкие имена, толстые тома сочинений. От других – что-то неуловимое, как ветер в пустой

комнате. Иногда – почти ничего. Но и те и другие достойны того, чтобы о них помнили.

АЛЕКСАНДР БАШЛАЧЁВ БЫЛ НЕВЫСОКОГО роста. Многим запомнилась его застенчивая улыбка. Он носил на шее три маленьких колокольца, играл на гитаре и писал удивительные стихи. Родился в Череповце, прожил двадцать семь лет и покончил с собой в Ленинграде, выбросившись из окна. После его смерти осталось около шестидесяти стихотворений. Почти все они уместились в тонкой книжке, изданной в девяностом году.

"Кто кончил жизнь трагически, тот истинный поэт" – в этих словах Высоцкого нет, по моему, пафоса. Только горечь, граничащая с издёвкой. Мол, живой поэт – вроде как неполноценный. А вот страдания и жизненная драма придают истинную цену стихам. То есть смерть как бы оправдывает поэзию. Делает её правдой в глазах требовательного потомства.

На мой взгляд, это извращённая логика. Ведь настоящая поэзия не нуждается в оправданиях и доказательствах своей правоты. Стихи – как луна и цветущее дерево – должны быть лишены показного трагизма, чужды дешёвым эффектам.

Трудно говорить о популярности Башлачёва. Хотя в Москве и Ленинграде он встретил самый тёплый приём. Пел в театре на Таганке и на Ленинградском рок-фестивале, слышал восторженные отзывы Александра Градского, Андрея Вознесенского, Артемия Троицкого, Бориса Гребенщикова... Но держался особняком от многочисленных бардов, поэтов, рок-исполнителей.

В лексиконе великого Станиславского был такой термин – "публичное одиночество". Артисту каким-то образом удаётся быть одиноким в присутствии десятков, сотен людей. Люди в зале тоже одиноки, каждый по-своему. И артист выражает то, на что слов у них не хватает. Это его дар, его счастье, его

Не сбылось

РОВНО ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД ОДНА ИЗ НАШИХ школьных учительниц, которую мы, охальники и балбесы, очень уважали, вместо планового урока провела так называемый классный час. А точнее – сказала нам, выпускникам, напутственное слово. Суть его я примерно воспроизведу по памяти:

"Вы заканчиваете школу. Завидую вам. Вы ещё так юны, а когда наступит третье тысячелетие, вы все будете в замечательном зрелом возрасте, возрасте свершений и успехов. Наша страна сильна, как никогда, является гарантом мира на планете, благодаря СССР человечество тридцать лет не знает войн. С каждым днём жизнь улучшается. К 1980 году в нашей стране каждая семья будет иметь отдельную квартиру, будут отменены квартплата и плата за городской транспорт, увеличится продолжительность отпусков. Уже сейчас вы пользуетесь бесплатным медицинским обслуживанием и имеете возможность получить бесплатное образование. Уверена, все вы станете замечательными людьми. Как хорошо было бы встретиться через тридцать лет и поговорить. Но я не доживу..."

Тут наша пожилая училка заплакала, а мы сперва сидели с вытянутыми физиономиями, потом кинулись её утешать и говорили всякие неуклюжие слова.

Она и вправду не дожила – много не дожила. Сорвалась задумка встретиться на 25-летие выпуска: с большим трудом по телефонной цепочке мы отыскали несколько человек, но никто не проявил к идее ни малейшего интереса, а остальные как в воду канули.

Но это, как говорится, дело житейское. А вот если бы тогда, весной 1973-го, кто-нибудь из моих



одноклассников напророчил ситуацию 2003 года, то я первый посоветовал бы ему отправляться в дурдом, пока там ещё есть свободные койки.

Мы, выпускники 1973 года, ни сном ни духом не подозревали, что будем "жить в интересное время", что наши карты бубновых хлопот и пикового интереса лягут в ряд, а в прикупе окажутся – бред! чушь! – распад СССР и реалии, прямо противоположные тем, о которых со святой верой говорила наша добрая учительница.

Среди мелькающих в прессе и на телеэкране сотен и тысяч имён хоть чем-то себя проявивших людей я ни разу не встретил ни одного своего одноклассника. А ведь и класс был нормальный, и школа не последняя.

Виноватых не ишу.

Андрей Кротков

Хранитель Лукоморья

ВОКРУГ БЕССМЕННОГО ДИРЕКТОРА ГОСУДАРСТВЕННОГО музея-заповедника А.С. Пушкина ещё при жизни реяло множество легенд.

Нельзя сказать, что Семён Степанович Гейченко не давал повода для их возникновения. Одних посетителей в гостинице Пушкинских Гор поражали звоном и блеском большое количество различных чашечек, блюдец, чайничков, сверкающих разноцветной глазурью, и пузатая важность двух самоваров. Других – не меньшее количество пьяной публики, утраивающееся в дни празднования очередной годовщины Пушкина.

Нагибин в дневнике вспоминает, как польский профессор-славист, приехавший на очередные Пушкинские чтения, убежал, едва дыша, в Питер – больше пить не мог. Впрочем, Нагибин часто видел то, что хотел видеть...

Эпоха Гейченко в Пушкиногорье началась после войны, с которой он возвратился инвалидом. Почему судьбе угодно было выбрать именно его в смотрители Пушкиногорья, история деликатно умалчивает.

Сам Гейченко рассказывал об этом так:

"Вызвали меня к высокому начальству. Говорят: поезжай-ка ты, брат, в Михайловское, там дел невпроворот. Нужно восстанавливать этот пушкинский уголок. Ведь ты – опытейший музейный работник!"

Он взял и поехал. И восстановил.



"Я живу, да моя старуха, да ещё милиционер", – отвечал обычно он, когда его спрашивали, сколько у него под началом музейных работников. Жену свою Любовь Джалаловну называл хозяйской: "Она здесь – всему голова".

Атмосфера гейченковского Пушкиногорья была семейной, ненапыщенной. Без музейной сухости и бронзового истуканства. Сам поэт, чья тень незримо присутствует в аллеях парка, не отказался бы выпить по стопочке с русским дядькой, ворчливым и добродушным, порывистым в гневе и отходчивым.

Прожив 90 лет, Семён Степанович оставил по себе рукотворный памятник, добрую память и книги – "У лукоморья", "Пушкиногорье", "Сердце оставляю вам".

Первого тома академического собрания сочинений Пушкина хранитель так и не дождался.

Игорь Михайлов

Консерватор

В НАЧАЛЕ 1862 ГОДА ОСТАВНОЙ ПОРУЧИК-АРТИЛЛЕРИСТ и начинающий писатель граф Лев Толстой зашёл в Английский клуб, членом которого состоял полноправно. Поднялся в бильярдную, заплатил маркёру гривенник и сразился с чьим-то гостем (не членом клуба) в "китайские шары" – так, для развлечения.

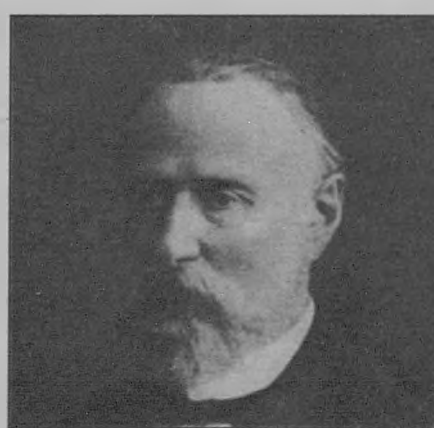
Через час азартный граф продулся на тысячу рублей. При себе таких денег не было, не платить клубный проигрыш – позор: выгонят! А скоро ещё и свадьба с Сонечкой Берс...

Покуривавший в сторонке сигару Михаил Никифорович Катков, профессор университета и журналист, заметил графские затруднения. Ссудил из своих тысяч рублей, но при условии, что граф отдаст, в счёт гонорара, новую повесть "Казачи" в катковский журнал "Русский вестник".

Толстой попытлся – и согласился.

На публикации повести Катков заработал раз в десять больше, чем одолжил. Тем более что и без того был человеком небедным.

Монархист, охранитель, реакционер... Этими и другими нехорошими словами величали Каткова современные ему и поздние либеральные публицисты, которых сноб Катков, известный хорошими гонорарами, в своих изданиях печатать отказывался.



Мол, нечего делать щелкопёрам в журнале, где впервые были опубликованы "Война и мир", "Анна Каренина", "Преступление и наказание", "Идиот", "Братья Карамазовы", "На ножах", "Соборяне", "Накануне", "Отцы и дети", "Дым".

Издатель "Московских ведомостей", "Русского вестника" и "Современной летописи" действительно терпеть не мог социализма, выступал с весьма консервативных позиций. Он был едва ли не единственным русским журналистом, ко мнению которого прислушивались два императора – Александр II и Александр III. И не только прислушивались – принимали Каткова у себя и вели с ним долгие беседы.

В 1840-х ГОДАХ МОЛОДОЙ РУССКИЙ Михаил Катков слушал лекции по философии в Берлинском университете. Его соседом по скамье оказался "приятный молодой немец" Фридрих Энгельс. Как говорится, более они не встречались...

Последняя группа бомбистов-революционеров народнического толка в 1887 году прикидывала: не следует ли наряду с царствующим тираном уничтожить и его сатрапа журналиста Каткова? Не спроворили: Михаил Никифорович умер в том же году своей смертью.

А в Москве он ещё успел основать гуманитарный Катковский лицей – одно из лучших учебных заведений России.

А. К.